

Шабельников В.К. Проблема субъектности в логике культурно-исторического подхода

ШАБЕЛЬНИКОВ В.К. ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ В ЛОГИКЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

English version: [Shabelnikov V.K. Problem of subjectivity in the logic of cultural-historical approach](#)

Институт психологии им. Л.С.Выготского, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Анализируются представления о субъекте и феномене субъектности, распространенные в психологии, философии и лингвистике. Изначально термин «субъект» несет в себе различные смыслы. Если в лингвистике этим термином обозначается лишь объект речевой конструкции, то в психологии субъект понимается как существо, наделенное сознанием, способное действовать логично. Основы этих субъектных способностей наименее объясняемы в логике научных исследований, поскольку принадлежат не к наблюдаемым предметным формам, а к характеристикам процессов, лишенных облика предметов. В статье рассматриваются концепции Гегеля, Ж.Пиаже, Л.С.Выготского, П.Я.Гальперина и А.Н.Леонтьева, сопоставляются представления об основах субъектности, об истоках логичности мышления. Поскольку стремление понять основы субъектности направляет психологию на анализ того, что не представляется в видимых формах, теоретические концепции субъектности сложно согласуются с научными требованиями доказательности. Ж.Пиаже стремился научно объяснить логику мышления человека последовательностью организации действий ребенка. В качестве основы становления логики мышления он ввел представление о «координации» действий, однако само это представление, ключевое для понимания логичности мышления, оставил без теоретического объяснения. Поэтому в картине научного толкования истоков субъектности главную роль стал играть необъяснимый процесс, организующий логические схемы интеллекта. Гегель заложил предпосылки культурно-исторического подхода к анализу субъектности, но увел истоки субъектности за границы материального мира. Основанием субъектности выступил у Гегеля мировой дух, который воплощается и в истории человечества, и в субъектности людей. Такое представление о субъектности не согласовывалось с амбициями личностной активности, охватившей Россию в XX веке. Субъектом истории люди хотели видеть самих себя. Л.С.Выготский и А.Н.Леонтьев приняли идею социальной детерминации субъектности личности, но не затрагивали вопрос об исходных основах логики, определяющих организацию социальной деятельности.

Ключевые слова: субъект, феномен субъектности, логика мышления, действия, социальная деятельность

Психология субъектности: генезис понятия

Осмысление природы субъектности – одна из наиболее сложных задач, стоящих перед философией и психологией. Задача эта сложна и объемна уже в силу того, что за предшествующие тысячелетия накоплено огромное множество размышлений и представлений, касающихся субъектности. Подходы к постановке вопросов по проблеме субъектности крайне противоречивы и часто противоположны. И пути поисков ответов, и логика производимых (или протекающих) при этом размышлений глубоко различны и приводят к очень разным выводам.

Греческое слово «психология», которое часто трактуют как «наука о душе» или «наука о психике», ничего не говорит о науке, а означает познание «логоса души». *Логос* представлялся мыслителями Древней Греции как источник организации мировых процессов, основание, определяющее логику развития природы. Теоретики психологии стремились осмыслить *основания, обеспечивающие организацию субъектности человека*. Платон и Аристотель, закладывая начала психологии, пытались строить образ души, рассматривая не только основы формирования субъектных способностей человека, но и основы организации любых форм. Душа понималась как нечто, что обеспечивает активность и логичность субъектных процессов. Психику не отделяли от природы как особую реальность, лежащую якобы вне логики мировых процессов. Проблемы организации психики и окружающих людей явлений анализировались в едином ключе. Психология строилась как часть философии, стремившейся понять природу и сознания, и всего мира. Стремление осмыслить природу субъектности лежит в основе не только древнегреческих концепций, но и теорий XX в. – Л.С.Вygотского, А.Н.Леонтьева, Ж.Пиаже, З.Фрейда, К.Г.Юнга.

Попытки понять природу субъектности наталкиваются на привычные людям способы понимания предметов. И житейское, и научное понимание вещей, прежде всего, опирается на восприятие; *понятность* объектов увязывается с *наглядностью* образов, с четкостью форм. Ясность образов обычно и создает ощущение понятности вещей. Психологией же движет стремление исследовать основы организации субъектных актов, раскрыть *истoki порождения форм*, понять природу субъектности, изучая причины формирования психики и образов сознания. Субъектные способности людей принадлежат не к предметным формам, а, скорее, к свойствам процессов, лишенным облика предметов, но благодаря которым любые наблюдаемые формы создаются. Задача понять природу субъектности направляет психологию на исследование того, что само предметных форм не имеет. Истоки порождения форм вещей и процессов не вполне логично представлять в виде предметных форм, возникающих уже в результате формообразования. Поэтому, осмысля основы субъектности, психологи строят образы, существенно отличающиеся от образов, создаваемых на основе научных методов.

В непосредственном восприятии субъектность людей проявляется в их способности организовывать и выполнять действия, а в самонаблюдении субъектность видится как мир образов и переживаний, мало похожих на наблюдаемые вокруг объекты и события. Большая часть психологических текстов, посвященных субъектности людей, содержит рассуждения именно о психических процессах как о проявлении субъектности, психологи описывают мышление, восприятие, волю и прочие психические качества людей как феномены, характеризующие субъектность. При этом вопросы об исходной природе субъектности, о происхождении субъектности, о месте субъектности людей в ряду прочих явлений природы обычно остаются за рамками анализа. Тем не менее психологи и философы строят какие-то представления об исходной природе субъектности. И в этой сфере мы видим массу разночтений и альтернативных представлений.

Для современного человека проблема субъектности – это проблема организации его личного «Я» и сил, управляющих жизнью личности. Вопросы о субъектности – это вопросы о способностях людей жить и действовать, мыслить и понимать мир. Это и вопросы о логике становления субъектной активности, о возникновении психических способностей при рождении (а возможно, еще до рождения или уже после рождения), вопросы об исчезновении, сохранении или преобразовании субъектных процессов после смерти человека. Вопросы эти актуальны настолько, что острота их переживания часто становится препятствием для логического осмысления природы субъектности.

Представления о природе субъектности не просто задевают интересы людей, но непосредственно эти интересы выражают. Философские, религиозные и научные представления о субъектности выражают осознаваемые и неосознаваемые мотивы авторов и приверженцев этих представлений. Понимание природы субъектности – это сложный, а в истории Европы особенно драматичный процесс, связанный с переосмыслением истоков логики мышления, а иногда и принципов мировой организации.

Психология, логика, лингвистика – кажущаяся несовместимость представлений о субъекте

В любых толкованиях представления о субъектности выражают определенную связь между *субъектом* и *действием*, *деятельностью*, *мыслью* или *высказыванием*, по отношению к которым некто или нечто полагается в роли субъекта. Причем альтернативность представлений о природе субъектности проявляется уже в наиболее известных определениях терминов «субъект» и «субъектность». В распространенных в психологии трактовках субъект понимается как участник действия и как его организатор. При всем отличии переживаемых чувств и мыслей человека от картины внешне наблюдаемых действий психологи, тем не менее, соглашались, что и то, и другое являет единую способность, которую можно называть субъектностью.

А в лингвистике и логике сложилось совсем иное толкование термина «субъект» (от лат. *subjectus*). Здесь субъектом называется то, о чем говорится в предложении. Это не человек, а главный предмет, о котором строится суждение, член предложения, соответствующий предмету мысли. В грамматике субъект – это предмет мысли, о котором строится суждение, или же член предложения, соответствующий этому предмету мысли. Если в психологии под субъектом разумеют деятеля, мыслящего и действующего с объектом, то в логике высказываний субъектом называется *объект* мысли или фразы.

Кажется, что в психологии и лингвистике речь идет о разных вещах, и, пытаясь сопоставить разные смыслы термина «субъект», мы просто запутаем логику нашей мысли. Однако это не совсем так, и различие представлений о субъекте вовсе не отменяет того, что логика и психология имеют дело с единым или сходным феноменом. Ведь реально наблюдаемым феноменом проявления субъектности является не субъект, а действие или высказывание как организованный процесс. Перед лингвистами это речевая или логическая конструкция, а пред психологами – наблюдаемое действие. Субъектность проявляется здесь как факт организованности действия или высказывания. Люди видят организованные процессы и строят представления об истоках и основах организации этих процессов.

Используя в термине «субъект» его формально общий смысл: «*то, что находится под действием*», – логика и психология решают одну задачу, но полагают в этом «*под*» как будто бы разные вещи. Лингвист видит перед собой речевую структуру, и «субъект» видится ему как нечто, содержащееся в этой структуре. Психолог видит действующего человека, и «субъект» означает для него этого наблюдаемого человека, который как будто сам организует и обеспечивает свое действие.

Принято, что функцию субъектности психологи приписывают именно способности людей организовывать действие. Однако ничто не мешает приписывать сходные субъектные функции и другим субъектам речевых конструкций. Выходит, с точки зрения логики построения мысли ничто не мешает полагать в функции субъекта любой предмет, любое явление. Если исходить из картины самих наблюдаемых процессов, тоже ничто не препятствует полагать в роли субъектов этих процессов всех кого угодно. Исходя же из какой логики организации действий психологи полагают, что «субъект – это человек, познающий и преобразующий мир»?

В популярной логике понимания объектов люди обычно исходят из того, что вещи имеют в своей

основе какие-то вещества, некие субстанции. И в житейском сознании, и в научной картине мира в качестве основы явлений чаще всего представляют субстанции и элементы, из которых как бы созданы все предметы. Стремление психологов локализовать именно в человека субъектные функции (*subjectus*), лежащие в основе деятельности, относится к той особенности понимания окружающего мира, когда хочется свести основы организации наблюдаемых явлений к образам локальных объектов, воспринимаемых в виде телесных форм.

Основы субъектности людей тоже стремятся представить в виде локальных субстанций, как бы создающих активность субъектов. В теориях психологии проявляется стремление ученых локализовать место, где якобы находятся истоки порождения процессов и событий. Тогда объяснение субъектности строится в виде указания на расположение источников объясняемых процессов. Например, психические процессы и субъектные способности объясняют, размещая истоки субъектности то в нервных процессах или в локальных участках мозга, то в генах, а то и в отдаленных мирах.

Ситуация меняется, когда мы переходим от наблюдения действий к анализу самих субъектных функций. Здесь раскрывается множество различных субъектных функций, выполняя которые человек может быть участником действия или деятельности. Особенно проблемным выглядит представление психологов, что всякий индивид является субъектом социальной деятельности, в которую он включен.

Проблема становления субъектности человека: Ж.Пиаже, Гегель, К.Маркс, Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, П.Я.Гальперин

Представление о человеке как организующем субъекте деятельности и действий широко популярно особенно среди психологов, не стремящихся изучать истоки и основы формирования субъектных способностей человека.

В западной культуре З.Фрейд, К.Г.Юнг и другие психологи столкнулись с проблемой кризиса субъектности своих пациентов и вынуждены были искать объяснение целому ряду психических процессов за пределами не только сознания человека, но и вообще за пределами самих людей. Не случайно, Фрейд, Юнг и другие психоаналитики не стали претендовать на строгую научность своих концепций. Но вскоре к проблеме происхождения субъектности подключились психологи, ориентированные на формы научных исследований. Ж.Пиаже, Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, П.Я.Гальперин и целый ряд их последователей стремились соотнести проблему происхождения субъектных способностей человека с принципами научного объяснения.

Как только психологи обратились к изучению формирования умственных и субъектных способностей, в их теориях стали создаваться не вполне привычные представления об отношениях между субъектом и действием или деятельностью. Ведь субъектные способности человека не могли рассматриваться в этих теориях как источник организации действий, эти способности в ходе формирования действий только лишь создавались. Субъектность превратилась из предполагаемой основы организации действий в продукт освоения человеком логики действий.

Ж.Пиаже изучал формирование логических структур мышления у детей и представил эти структуры продуктом двух загадочных процессов – *координации* и *интериоризации* действий. Загадочность этих процессов для обычного понимания создавалась тем, что у Пиаже не было объяснения ни происхождению формирующих мышление процессов координации и интериоризации, ни возможному субъекту, организующему эти процессы. Понятно, что сам ребенок не мог рассматриваться субъектом, организующим координацию отдельных движений в структурированные действия, а затем еще и переносящим эти структуры из плана внешних манипуляций в план сознания.

Вместе с загадочностью и необъясненностью источников организации действий, в концепции Ж.Пиаже явно изменились приоритеты в понимании природы субъектности. Если для большинства психологов привычным и неоспоримым видится мнение, что человек является субъектом-организатором действий, то у Пиаже возникло новое видение отношений между действием и человеком. Логика действий усваивается ребенком благодаря двум неуправляемым им процессам: «координации» отдельных движений и ощущений в структуры действий и «интериоризации» – то есть переносу этих структур из внешней организации действий в сознание человека. Привычные отношения между действием и человеком переворачиваются здесь так, что действия самоорганизуются и становятся основой становления субъектных способностей человека. С точки зрения Ж.Пиаже, движения как бы сами выступают субъектами, «стремящимися к структуре группы», а такие качества процессов, как «возвраты», «отклонения» и «идентичность», представляются субъектами, порождающими группу [Пиаже, 1969].

При обращении к процессу формирования субъектности высветилась центральная альтернатива, разделяющая разные базисные представления об основах возникновения вещей. В одной логике понимания мира люди исходят из того, что основу вещей составляют элементы или субстанции, а в другой – что основу и природу вещей составляют процессы, благодаря которым рождаются и оформляются тела. Поэтому можно сказать, что рассмотрение действий как самоорганизующихся систем, порождающих субъектность человека, является ничуть не более спорным, чем утверждение, что человек сам является организатором логики своих действий.

Для многих психологов лишение человека статуса организатора действий неприемлемо. Тем более что Пиаже вынужден был прибегнуть для объяснения своих теоретических положений не к самым убедительным основаниям. Тем не менее им был сделан важный шаг в направлении нового понимания субъектности и ее развития [Пиаже, 1965].

Вслед за Пиаже линию изучения механизмов формирования психических способностей продолжили Л.С.Выготский и А.Н.Леонтьев, но они оказались в сложной идеологической позиции. Российским психологам нельзя было отказываться от представления человека в образе субъекта организации деятельности, а тем более субъекта своих действий. Образ человека-творца, способного действовать целенаправленно, образ субъекта, познающего и преобразующего мир, был основой коммунистического мировоззрения. Поэтому российские психологи не могли лишить человека роли субъекта, организующего действия и деятельность, не могли передать функции организации и развития психических структур в сферу биологии, а тем более – в сферу физики. Формирование сознания было делом общества или граждан, достойных быть носителями логики мышления и формируемых психических процессов.

Как наблюдаемый феномен субъектность проявляется двумя качествами. Первая характеристика субъектности – это активность, способность активно участвовать в действии или деятельности. Второе качество, выражающее субъектность, – это способность организовывать форму действий или деятельности, реализуя логические схемы или структуры, по которым выстраиваются мысли, образы или действия. В исследованиях и теоретических конструкциях психологи большее внимание уделяли этому второму моменту – способности человека логически мыслить и организовывать действия.

Способность мыслить и действовать по определенной логике рассматривалась еще античным философом Платоном. Объяснению этого аспекта субъектности посвятили свои исследования и Ж.Пиаже, и Л.С.Выготский. Активность же субъекта, его способность включаться в действие, его стремление или нежелание выполнять действие долгое время не были предметом пристального внимания психологов. Природа субъектной активности обычно даже не считалась предметом психологии. Проблемы порождения субъектной активности, анимации, активизации субъекта выносились за рамки анализа и Ж.Пиаже, и Л.С.Выготским, и А.Н.Леонтьевым, и другими психологами. По умолчанию эти проблемы передавались в сферу биологии, которая, по мнению психологов, должна была выяснить природу активности живых систем. Другая традиция

избавления психологии от проблемы формирования субъектной активности состояла в выведении этой проблемы вообще за рамки и возможности ее рационального осмысления. Проблема отдавалась в сферу религии, верований и мистических толкований.

Столь же мало обсуждаемой в психологии была и проблема исходных источников логичности. Пиаже то рассматривал формирование мышления как процесс самоорганизации действий, то выводил проблему истоков рождения логических структур в сферу биологии, физики или химии. Выготский отказался от представлений Пиаже о самоорганизации действий и физико-химических основах их координации и передал функции организации действий и психических процессов обществу или взрослым, с которыми дети взаимодействуют в процессе своего умственного развития [Выготский, 1983].

К.Маркс в определении социальной природы субъекта отталкивался от представлений Гегеля о воплощении в человеке логики объективного духа, определяющего развитие как всего человечества, так и отдельных индивидов [Гегель, 1958]. Маркс устраняет из описания исходных оснований сознания всякие представления о духе, но сохраняет в качестве таких оснований формы социальной жизни, и прежде всего – процессы общественного производства [Маркс, 1959].

Выготский, так же как и Маркс, не мог позволить себе представлять источником психических функций какой-либо дух или что-либо выходящее за пределы научного восприятия и толкования. Поэтому в качестве основы становления субъектности ребенка Выготский представлял отношения между людьми, которые можно воспринять наглядно [Выготский, 1956]. Ранние формы действий, считал Выготский, организуются как коллективные совместные действия, где взрослые помогают ребенку действовать по заданной логике, передают детям социально выработанную логику.

Можно видеть, что в представлениях Гегеля, Маркса и Выготского истоки организации психических функций располагаются за пределами индивидов, обладающих сознанием и волей, способных действовать целенаправленно. У Маркса и Выготского все же прослеживается установка на научное объяснение источников сознания и психических способностей людей. Однако невидимость и нелокальность социальных основ человеческой субъектности делала эти основы предметом малопривлекательным для психологов, стремящихся исследовать субъектность научными эмпирическими методами.

Большее внимание в научной психологии было уделено вопросу о том, как субъектные способности принимаются людьми в ходе их психического развития. Главную роль играло представление об интериоризации структур действий в план сознания. Представление об интериоризации логики действий в формы психических процессов стало играть важную роль в теориях психологии XX века.

Выготский, принимая представление об интериоризации действий в план сознания, подчеркивал роль общества не только в организации внешних действий ребенка, но и в интериоризации действий в формы мыслительных структур. Он использует здесь представления Гегеля и Маркса о том, что логика человеческой деятельности запечатлевается, *опредмечивается* в орудиях и средствах.

Орудия, средства, знаки играют, бесспорно, важную роль в передаче индивидам социальной логики действия. Однако трудно представить, что вся социальная логика действий и деятельности зафиксирована в средствах и орудиях. Логические структуры мышления и других психических процессов, участвующих в субъектной организации действий, достаточно сложны, и трансляция их человеку предполагает передатчики более, чем орудия действий. Не случайно Выготский, как и Пиаже, выносит исходные аспекты субъектного развития за рамки психологического анализа.

Важный теоретический поворот в объяснении социальной организации субъектных процессов делает А.Н.Леонтьев. Отталкиваясь от тех же представлений Гегеля и Маркса, что и Выготский, Леонтьев рассматривает в качестве ретранслятора социальной логики деятельности не только

орудия и средства, но саму *деятельность как системно организованную реальность* [Леонтьев, 2004]. Анализируя деятельность, Леонтьев обращается и к проблеме *активности* субъекта, рассматривает мотивы и цели, создающие активацию и направленность деятельности.

Определяя природу мотивов, Леонтьев писал: «Ведь именно предмет деятельности придает ей определенную направленность. По принятой нами терминологии, предмет деятельности есть ее действительный мотив» [Леонтьев, 2004, с. 263]. И саму деятельность Леонтьев характеризует не как субъектную, а как предметную систему [Леонтьев, 2004]. Так действительно ли источником субъектной активности человека предстают предметы деятельности? Предмет как мотив побуждает субъекта, направляет его активность, и человек действует подобно куску железа, притягиваемому магнитом? Скорее всего, это именно так. Ведь, говоря о предмете деятельности, Леонтьев рассматривает его как предмет неких уже существующих потребностей. Субъект предстает здесь уже имеющим потребности, которые лишь получают в предмете свою конкретизацию: «До своего первого удовлетворения потребность "не знает" своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет – свою побудительную и направляющую деятельность функцию, то есть становится мотивом» [Леонтьев, 2004, с. 145]. Но как же возникают сами потребности? Какими силами они создаются в ожидании своего «первого удовлетворения»? И здесь Леонтьев применяет типичный для научно ориентированных психологов прием – он выносит ключевой момент возникновения субъектной активности за пределы своего анализа, оставляя открытым вопрос о том, откуда возникает внутренняя сила потребности.

Итак, исследуя проблему становления субъектности человека, Ж.Пиаже, Л.С.Выготский и А.Н.Леонтьев раскрывали важные моменты в ее развитии. Но *исходные основы* зарождения субъектности они каждый раз стремились вынести за рамки собственных теоретических конструкций. Если активность субъекта все единодушно рассматривали как нечто, вытекающее из «органического» развития, к чему психологи как бы не имеют оснований прикасаться, то в отношении истоков логичности мнения Пиаже и советских психологов принципиально разошлись. Пиаже стремился увидеть основы логики в физико-химических или биологических процессах организма [Пиаже, 1965]. Советские психологи стремились обнаружить основы организации деятельности в обществе.

При рассмотрении социума в качестве основы организации человеческой психики за рамками обсуждения остался важный вопрос: «Действительно ли именно общество является первичной основой логики сознания, логики деятельности и логики мышления?».

Важную роль в утверждении этих представлений играло замечание В.И.Ленина, сделанное им к работе Гегеля «Наука логики» [Ленин, 1969], в которой, казалось бы, ясно сказано, что именно практическая деятельность приводит сознание людей к повторению логических фигур, и нужно именно деятельность человека полагать источником логики. Тем не менее представляется, что вопрос о реальных основах не только логики мышления, но и логики организации практической деятельности человечества остается здесь без ответа.

Еще одна альтернатива в представлениях о природе субъектности, сложно осмысливаемая как житейским сознанием, так и сознанием многих психологов, связана с различием между *психическими* и *субъектными* процессами человека. Чаще всего люди связывают свои субъектные качества с психическими процессами, с образами и переживаниями. Большинство исследований субъектности сосредоточено на изучении именно психических качеств человека. В работах Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева и Ж.Пиаже основные усилия тоже направлены на изучение связи между организацией действий и психическими функциями.

Но при этом в исследованиях психических процессов все более явной становилась организация действий, происходящая без участия психики. Внимание ученых стало фокусироваться не только на явлениях сознания, но и на автоматически протекающих актах восприятия и понимания предметов.

Особым предметом исследования стала организация актов, ускользающих не только от участия индивида в их конструировании, но и от его самонаблюдения. Так, в фокусе исследований П.Я.Гальперина оказались сокращенные формы психической деятельности [Гальперин, 1959]. Определяя специфическую функцию психики, П.Я.Гальперин выделил типы ситуаций, где психика необходима, и ситуации субъектной активности, где психика не нужна. Согласно его концепции, психические процессы необходимы для ориентировки действий в изменчивых ситуациях, где требуется перестройка действий, подгонка их к изменяющимся условиям. Психика становится проявлением субъектности в случаях, когда возникают противоречия и рассогласования между уже сложившимися системами активности организмов и изменчивыми ситуациями. В таких случаях субъект должен перестраивать формы действий, ориентируя их к нестандартным ситуациям. А сама психика является «ориентировочной деятельностью», в которой строятся, проверяются и перестраиваются действия, подстраиваемые к новым условиям. Поскольку производить опробование действий в реальных ситуациях часто опасно, для конструирования действий у людей и животных формируются образы, в которых отражаются значимые для перестройки действий аспекты реальности. Психические образы выполняют роль «запасного поля ориентировки», где действия строятся без риска их опробования во внешней форме [Гальперин, 2002].

Отсюда вытекает взгляд на психические образы как прямое отражение окружающего мира. Как компоненты ориентировки, образы отражают мир не во всех его процессах и структурах, а лишь в тех моментах, которые необходимы для перестройки действий. В психических образах мир отражается именно в таких формах, какие функционально необходимы для согласования действий с изменчивыми ситуациями. В стабильных ситуациях необходимость психической ориентировки действий либо не возникает, либо снижается; схемы активности фиксируются в физиологических структурах организмов, что позволяет организовывать действия автоматически, без участия психики. При согласованности действий со стабильными ситуациями необходимость в психической ориентировке отпадает.

Таким образом, большая часть субъектных процессов протекает без участия образов, их организация и формирование остаются за границами сознания человека. Это можно видеть в организованности и физиологических процессов, и автоматических действий. При таком понимании психики, психические процессы – это особый уровень субъектности, возникающий лишь при дестабилизации жизненных ситуаций. Психика является частным случаем субъектности, заметно менее результативным, чем субъектность, проявляющаяся в формировании самих организмов. Сведя сферу психической регуляции к случаям рассогласования действий с изменчивыми ситуациями, Гальперин не только ограничил этим полномочия психики в конструировании активности организмов, но, по умолчанию, еще более заострил вопрос о силах и процессах, формирующих активность человека за пределами психической регуляции.

Заключение

Нужно выделить несколько ключевых моментов проявления субъектности, которые советские психологи вынесли за рамки осмысления в своих теоретических концепциях. Во-первых, за рамками объяснения осталась природа активности субъекта. Ни Ж.Пиаже, ни советские психологи не анализировали основы субъектной активности.

Проблемой, также вынесенной за рамки осмысления, была проблема исходных основ логики, проявляемой в организации деятельности, действий и мышления. В отличие от Пиаже, предлагавшего искать природу координации действий в биологической или физико-химической организации организма, Выготский и Леонтьев видели основы сознания в социальной, культурно-исторической организации деятельности. Основой логической организации сознания была представлена деятельность человечества, формирующаяся в историческом процессе. Но вопрос о том, сама ли деятельность человечества является первичной основой мышления, или в деятельности воплощается дух, Бог, природа или какой-то иной первичный источник логики, не затрагивался и не

решался в рамках психологических теорий.

Культурно-исторический подход в любом случае направляет поиск основ сознания в историю развития общества, поскольку, при любом понимании истоков сознания, именно исторически развивающаяся деятельность представляется основой формирования мышления и взглядов людей. И представления Платона, Гегеля, Пиаже, Выготского и Леонтьева и другие научные, философские и религиозные представления формировались в контексте определенной социальной и исторической эпохи. Проводя психологический анализ тех или иных представлений о природе субъектности, мы должны соотносить эти представления с их функцией в организации деятельности на разных этапах развития общества. Отделив концепции психологии от общего мировоззрения эпохи, мы вряд ли сможем понять причины различного понимания субъектности разными учеными.

Литература

Выготский Л.С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1983. Т. 3.

Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий. В кн.: Психологическая наука в СССР. М.: Акад. наук. СССР, 1959. Т. 1, с. 445–469.

Гальперин П.Я. Лекции по психологии: учебное пособие для студентов вузов. М.: КДУ, 2002.

Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М.: Акад. наук. СССР, 1958. Т. 4.

Ленин В.И. Философские тетради. М.: Политическая литература, 1969. Т. 29.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004.

Маркс К. К критике политической экономии. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс (Ред.), Сочинения. М.: Политическая литература, 1959. Т. 13.

Пиаже Ж. Роль действия в формировании мышления. Вопросы психологии, 1965, No. 6, 33–51.

Пиаже Ж. Психология интеллекта. В кн.: Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. С. 55–232.

Поступила в редакцию 10 ноября 2017 г. Дата публикации: 20 февраля 2018 г.

Сведения об авторе

Шабельников Виталий Константинович. Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и методологии образования, Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия.

E-mail: shabelnikov@rambler.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Шабельников В.К. Проблема субъектности в логике культурно-исторического подхода. Психологические исследования, 2018, 11(57), 6. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Шабельников В.К. Проблема субъектности в логике культурно-исторического подхода // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 57. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n57/1527-shabelnikov57.html>

[К началу страницы >>](#)